

13.12.04
Проккофьев Сергей
Книбатура + 2004-9-15 дек-с.13

Восстановление невозстановимого

“Александр Невский” как киносюита

27 ноября на Новой сцене Большого театра впервые в России прозвучала на публике музыка Сергея Прокофьева к фильму Сергея Эйзенштейна “Александр Невский”. На экране в глубине сцены демонстрировался фильм, а расположившиеся на сцене хор (Капелла имени Юрлова и капелла “Московский Кремль”) и Симфонический оркестр Берлинского радио синхронно с изображением исполняли номера партитуры.

Широко известна созданная на основе киномузыки одноименная кантата (соч. 78). Однако при значительном тематическом сходстве вполне можно говорить о двух произведениях, имеющих самостоятельную ценность. Неслучайно Прокофьев позже утверждал: “Для того чтобы сделать из этой музыки кантату, мне пришлось затратить гораздо более трудов, чем при первоначальном сочинении ее для фильма.”

Создавая музыку к фильму, Прокофьев решал достаточно специфические задачи, их отпечаток ощутим и в кантате. Например, Шостакович, высоко оценивая отдельные фрагменты кантаты, в целом сочинением остался не удовлетворен. “Слишком много там физически громкой иллюстративной музыки”, — написал он Прокофьеву, после того как впервые услышал кантату.

Тем более интересной оказалась возможность услышать киномузыку Прокофьева в ее первоначальном виде. Немецкий дирижер Франк Штробель, уже давно увлеченно работающий над исследованием музыки кино, несколько лет посвятил реконструкции исходной партитуры. Он внимательно изучил хранящиеся в архивах черновики Прокофьева, со-

относя их с фонограммой фильма. Кантата служила лишь начальной точкой в его исследованиях. Ее продолжительность на двадцать минут меньше, чем время звучания киноварианта, к тому же оркестровки двух версий значительно отличаются в соответствии с различными задачами, стоявшими перед автором.

Прокофьев был одним из первых советских композиторов, начавших работать в кино. Его первым приношением “десятой музе” стала музыка к фильму “Поручик Киже” (1933). Всего двумя годами раньше вышел на экраны первый советский звуковой фильм — “Путевка в жизнь”. Судя по всему, Прокофьев сразу начал думать о возможностях киномузыки. В 1932 году в интервью парижской газете “Pour Vous” он сформулировал основные принципы возможного сотрудничества: “Совершенно необходим тесный контакт между композитором и постановщиком. Вот возможный метод работы: сначала точно хронометрировать продолжительность сцен, диалогов и т.д.; только затем к своей работе может приступать композитор, а затем и постановщик, строго соблюдая установленный хронометраж, чтобы кадры соответствовали музыке. И подобно тому, как это происходит в балете, музыка или описывала бы действие, или сопровождала его полифонически.”

В работе с Эйзенштейном эти принципы были блестяще реализованы. Их сотрудничество остается примером идеального взаимопонимания двух художников. Сохранились многочисленные свидетельства того, насколько внимательно режиссер прислушивался к музыке Прокофьева, даже в каких-то случаях менял ско-

рость проекции с целью синхронизации музыки и изображения. Во многих эпизодах “Александр Невский” наследует традициям немого кино. Так, протяженная батальная сцена решена в синтезе изображения и музыки без использования ставших в дальнейшем традиционными фоновых шумов. Показ фильма со звучащей вживую музыкой поставил перед исполнителями достаточно сложные задачи. Восстановленная партитура содержит около 1000 меток синхронизации. По ним ориентировался дирижер, перед которым был установлен монитор с проекцией картины.

Московское исполнение, прошедшее под управлением все того же Франка Штробеля с участием певицы Ирины Макаровой, привлекло внимание к несколько недооцениваемому вкладу Прокофьева в историю кинематографа. Конечно, плохая сохранность пленки во многих местах нарушает авторский замысел. Явленные в полном звуке симфонические фрагменты произвели большое впечатление. Однако предложенная Франком Штробелем реконструкция не может служить панацеей. Это фиксация лишь одной из составляющих шедевра. Прокофьев, побывавший прямо перед съемками “Александра Невского” в Голливуде, генерировал оригинальные технологические идеи. Некоторые искажения, слышные на пленке и недопустимые при концертном исполнении, были внесены преднамеренно.

“Сильная струя звука, направленная при записи прямо в микрофон, ранил пленку, наносит на нее травму, производящую при исполнении неприятный треск. Но так как звук тевтонских труб был, несомненно, не-

приятен для русского уха, то я заставил играть эти фанфары прямо в микрофон, что и дало любопытный драматический эффект” — так позже описал композитор одну из находок в сборнике “Советский исторический фильм”. Он также описывает, как работал “рычагами” звукорежиссер Бо-

рис Вольский, регулировавший громкость звуков, поступающих с разных микрофонов. Прокофьев даже употребляет в своем тексте современный термин “микшировать”. Понятно, что этого уникального “винтажа” уже не повторить. Кино, казавшееся его создателям прямой дорогой в веч-

ность, также подвержено невосполнимым утратам. Возможно, именно это делает его таким же великим искусством, как музыка.

Дмитрий АБАУЛИН
Фото ИТАР-ТАСС

